

83.3(2=411.2)5-8

Ч-48

СА-401553

12+

Лариса Черкашина

Живой Пушкин

повседневная жизнь великого поэта

Л.А. Черкашина

ЖИВОЙ ПУШКИН

Повседневная жизнь великого поэта

СА-401553

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Москва
«ВЕЧЕ»

«ПОЭТИЧЕСКИЕ ПРЕДРАССУДКИ»
В ЛЮБВИ И ЖИЗНИ ПУШКИНА

«Муж просто звал её Наташа»	306
«Сквозь магический кристалл»	307
«И месяц с левой стороны»	309
Магия чисел	312
Пророчества	316
Гадалка Кирхгоф и «суеверные приметы»	319
«Памятник жена ему воздвигла»	325
Странный ноябрьский день	325
«Мой ангел»	327
«Пожатье каменной... десницы»	329
Exegi monumentum	331
Неувядаемый венец	332
Дорога к Пушкину	337
Упрёки и сожаления	339
«Бессмертная бронза»	340

ПРИЛОЖЕНИЕ

Старинные рецепты	345
Как приготовить ботвинью	347
Как приготовить уху	348
Как приготовить двойные щи	348
Как приготовить блины крупитчатые розовые	349
Как приготовить гречневые блины	350
Как приготовить гречневую кашу	351
Как приготовить кулебяку с сёмгой	351
Как приготовить варёную яичницу	352

Содержание

Как приготовить макароны с сыром	352
Как запечь картофель	352
Как приготовить рубленые котлеты со шпинатом и щавелём	353
Как приготовить арзамасского гуся	353
Как приготовить варенец	354
Как приготовить сладкий суп из ревения и малины	354
Как приготовить варенье из крыжовника	355
Как приготовить медовое варенье	355
Как приготовить малиновое варенье	356
Как приготовить брусничную воду	356
Как приготовить мочёную морошку	357
Как приготовить бланманже	357
Как приготовить жжёнку	359

«Никого так не любишь, никого так не знаешь,
как самого себя. Предмет неистощимый».

Пушкин — князю Вяземскому. Ноябрь 1825 г.

«...Люби и почитай Александра Пушкина».

Пушкин — брату Льву. Декабрь 1824 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вы, даже великие мира сего имеют свойство покрываться пылью: одни — хронологической, другие — хрестоматийной. Иногда сквозь её наслоения уже не разглядеть живых черт, не услышать заразительного смеха, не увидеть печальных глаз...

Да, Пушкин по-прежнему любим: осталось незыблемым и народное поклонение русскому гению. Но где он сам, «наше всё», живой Александр Сергеевич?! Такой знакомый и непостижимый одновременно?

Время вершит своё — в памяти новых поколений остаются лишь отдельные вехи его великой жизни: родился в Первопрестольной, учился в Царскосельском лицее, томился в ссылке в Михайловском, женился на красавице Натали Гончаровой, путешествовал, погиб на дуэли...

А что любил Пушкин в жизни и что презирал, чему радовался и что отвергал? Каков был мир увлечений поэта?

Как-то в полемическом задоре он заметил: «...Хорош ли я собой или дурен, старинный ли дворянин или из разночинцев... Будущий мой биограф, коли Бог пошлёт мне биографа, об этом будет заботиться». Бог одарил поэта не одним — сотнями биографов! Не иначе как чудесным образом о жизни Пушкина сохранились многие воспоминания его друзей и недругов, поклонников и поклонниц. Да и письма самого поэта — приятелям, родным и жене — хранят его живой голос.

Благодаря бесчисленным трудам пушкинистов вся недолгая жизнь поэта — его драгоценное бытие — восстановлена по дням, а порой и по часам.

Подобно пазлу пушкинский образ пытаются сложить вот уже третье столетие, но до конца собрать и осмыслить его кажется невозможным. Ведь у каждого из нас в душе живёт свой Пушкин.

Некогда Марина Цветаева вывела краткую и гениальную формулу: «Мой Пушкин». Поэтессе принадлежат и эти проникновенные строки: «Ведь Пушкина убили, потому что своей смертью он никогда бы не умер, жил бы вечно...»

Вот и эта книга, которую вы, дорогой читатель, держите в руках, — ещё одна попытка воссоздать живой образ поэта со всеми его человеческими слабостями и пристрастиями, странностями и причудами. Таким, каким он был в жизни, каким остался в памяти современников.

Итак, живой Пушкин!

И я смеюсь над могилой,
Ушед навек от смертных уз.

Но обычный льняной холст оказался прочнее металла. Не счастье, сколь много раз за века тиражировался портрет кисти Ореста Кипренского! В пушкинских изданиях, в живописных альбомах. Его встретишь в любой школе или библиотеке. И всё же при всей своей всемирной известности это ещё и самый загадочный пушкинский портрет, «портрет-зеркало». И как обмолвился сам поэт — «чудо-зеркало».

А сам Кипренский сообщал из Петербурга приятелю: «Я пишу, писал и написал много портретов грудных, по колени и в рост. Надеюсь, что из всех оных портретов ни один не будет брошен на чердак, как это обыкновенно случается с портретами покойных предков, дурно написанными».

Что ж, надежды гениального живописца оправдались. Портрет поэта, «чудо-зеркало», сохранён его достойными потомками.

И как легко ныне прийти на свидание с Пушкиным — стоит лишь побывать в Третьяковке. Живой Пушкин, со светло-задумчивым взглядом, устремлённым в вечность, и с небрежно перекинутым через плечо шотландским пледом.

ЛОРНЕТ, БРЕГЕТ И БОЛИВАР

В очках и рыжем парике.

Александр Пушкин

«Держите прямо свой лорнет!»

Обязательная принадлежность истинного денди — лорнет. Разве мыслимо отправиться без него в собрание или театр?! Появился новый термин: «лорнировать дам».

Всё хлопает. Онегин входит,
Идёт меж кресел по ногам,

Двойной лорнет скосясь наводит
На ложи незнакомых дам...

«Не успели изобретательные англичане выдумать так называемый двойной лорнет, как все наши щёголи и щеголихи явились с двойными лорнетами на пальцах, — сообщал в 1817 году о модном новшестве журнал “Русский пустынный, или Наблюдатель отечественных нравов”. — Лорнет сей подобен только тем обыкновенной зрительной трубке, что в нём есть два передвижные стеклышка. <...> В лорнет, хоть и двойной, должно смотреть только одним глазом».

Двойной складывающийся лорнет обычно носили на шнурке или цепочке на шее. Когда достойных объектов для наблюдений не находилось, лорнет убирали в карман.

Вот милая Татьяна является в столичном театре:

Где Терпсихоре лишь одной
Дивится зритель молодой...

И что ж?!

Не обратились на неё
Ни дам ревнивые лорнеты,
Ни трубки модных знатоков
Из лож и кресельных рядов.

«Зрительные трубки» — малые подзорные трубы, складные, изукрашенные затейливой резьбой, перламутровой инкрустацией. Вызывающей смелостью считалось наводить «зрительные трубки» не на театральную сцену, а на зрителей, особо на неизвестных дам в ложах. Лорнетами пользовались дамы и господа даже с отличным зрением.

Вы также, маменьки, построже
За дочерьми смотрите вслед:

РЕЛИКВИИ

ПЕРСТНИ-ТАЛИСМАНЫ

От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!

Александр Пушкин

Вот «несчастье», поразившее российское общество в 1830-х: «...Молодые люди начали носить перстни и кольца сверх перчаток, как во времена Рима, клонившегося к падению, Рима женоподобного». «Мы советуем им, просим их, — заклинали “безумцев” знатоки светской моды, — чтобы они оставили перстни и кольца женщинам и стражам Серальским; одно только кольцо воспоминанья или союза может носить мужчина и то не сверх перчатки». Загадочными «стражами Серальскими» именовались евнухи султанских гаремов, — им, словно в утешение за лишение мужских достоинств, дозволялось украшать кисти рук множеством перстней.

«Молодым людям в наше время, — строго предписывало “Собрание наставлений для уборного столика”, — не позволяется носить больше одного кольца английского золота на мизинце, людям же в зрелых летах — больше одного солитера соразмерной величины».

И не только молодёжь увлекалась ношением колец, числились среди их любителей люди степенные: так, сенатор и тайный советник Иван Александрович Нарышкин был «большой охотник до перстней», особенно с «прекрупными бриллиантами». Верно, будучи посажёным отцом невесты на свадьбе Пушкина, он поража

Нет известий ни о парном кольце с бирюзой, принадлежавшем Нащокину, ни о бирюзовом браслете, заказанном Пушкиным в подарок Вере Александровне. Слабая надежда: быть может, дорогие вещицы не утрачены, а, переданные детям и внукам замечательной четы, хранятся у далеких потомков? К слову, и ныне здравствующих.

ЧУДО-ДОМИК: ИСТОРИЯ ДЛИНОЙ В ДВА ВЕКА

Vestigia semper adoro¹.

И от недружеского взора
Счастливым домик охрани!

Александр Пушкин

«У Пречистенских ворот»

Пушкин всегда по-детски радовался, что, приехав в Москву и назвав извозчикам лишь имя приятеля, они всегда могли разыскать его и доставить поэта по нужному адресу. А ведь Нащокин не любил засиживаться на одном месте!

Не было у Пушкина друга вернее, чем любезный его сердцу Павел Воинович. «Любит меня один Нащокин», «Нащокин здесь одна моя отрада» — сколько таких признаний поэта можно найти в его письмах к жене.

Да, Войныч, как по-свойски называл своего самого близкого друга Пушкин, любил его искренне, самозабвенно и столько раз выручал поэта из трудных жизненных обстоятельств.

В начале декабря 1831 года Пушкин, приехав из Петербурга в Москву, остановился у своего старинного друга. Жене он сообщает, что не нашёл Нащокина на старой квартире и «насилу

¹ Всегда благоговей перед следами прошлого (лат.)

отыскал его у Пречистенских ворот в доме Ильинской». И тут же добавляет: «Он всё тот же: очень мил и умён...»

В тот самый день, которым помечено это письмо, — 8 декабря 1831 года, — Павел Воинович отмечал свой день рождения: Пушкин праздновал вместе с другом его тридцатилетие! Дом у Нащокина, даже по тем временам, был на редкость гостеприимным и хлебосольным. Порой чересчур. Вряд ли во всей Первопрестольной можно было найти и столь необычный дом, и столь оригинального хозяина!

Уже через неделю московской жизни Александр Сергеевич в сердцах пишет жене: «...Нащокин занят делами, а дом его такая бестолочь и ералаш, что голова кругом идёт... Всем вольный вход; всем до него нужда; всякой кричит, курит трубку, обедает, поёт, пляшет; угла нет свободного — что делать? Между тем денег у него нет, кредита нет... Вчера Нащокин задал нам цыганский вечер; я так от этого отвык, что от крику гостей и пенья цыганок до сих пор голова болит».

Вот будни бедного хозяина, описанные им самим другу-поэту: «Народу у меня очень много собирается, со всяким надо заниматься — а для чего — так Богу угодно: ни читать, ни писать времени нет — только и разговору: здравствуйте, подай трубку, чаю. Прощайте — очень редко — ибо у меня опять ночуют и поутру не простясь уходят».

Необычным человеком был Павел Воинович: с одной стороны — светский повеса, прожигавший жизнь, азартный игрок, богач и сумасброд, а с другой — добрейшей души человек — он, как говаривали современники, «делал добро, помогая бедным и давая взаймы просящим, никогда не требуя отдачи и довольствуясь только добровольным возвращением»; тонкий ценитель прекрасного, обладавший безупречным литературным и художественным вкусом. Один круг его друзей чего стоил: Жуковский, Щепкин, Вяземский, Денис Давыдов, Гоголь!

Да вот и Николай Васильевич признаётся Нащокину: «Вы провели безрасчётно и шумно вашу молодость, вы были в обществе знатных повес и игроков, и... среди всего этого вы не по-

«Я НАНЯЛ СВЕТЛЫЙ ДОМ»

ДОСТОПАМЯТНЫЕ АДРЕСА

Пиши мне, если можешь, почаще:
на Дворцовой набережной в дом
Баташова у Прачешного моста...

Пушкин — Нащокину

*А*х, как говорливы камни! Они впитали в себя голоса, звук шагов, младенческий плач, шелест платьев, смех, ночные всхлипывания... И готовы говорить, говорить без умолку. Им надо столько успеть рассказать, пока они есть, пока безудержное всеильное время не источило их и не лишило памяти.

До сих пор стоит каменный дом по Соляному переулку, где осенью 1799-го остановилось семейство Пушкиных с полугодовалым Александром. Где-то здесь неподалёку, когда нянька прогуливалась с кудрявым своим питомцем, гневный возглас императора Павла остановил её, приказав снять с мальчика картуз.

Самый первый петербургский адрес Пушкина.

«Домик в Коломне»

*К*огда-то, выйдя из Лицея, Пушкин обосновался в той части Петербурга, что издавна именовалась Коломной и считалась городской окраиной. Неподалёку от слияния Фонтанки с Екатерининским каналом.

Квартиру из семи комнат на втором этаже доходного дома снимали родители поэта, сыну Александру отвели в ней неболь-

шую комнатку с одним, смотревшим во двор окном. Впрочем, за исключением трёх парадных окон, выходивших на Фонтанку, остальные также глядели во двор.

Двухэтажный каменный дом Клокачёва, что для деревянной Коломны считалось редкостью, стоял на правом берегу Фонтанки, у Калинкина моста.

И Надежда Осиповна, и Сергей Львович хозяйственными хлопотами себя особо не утруждали, предпочитая им светские развлечения.

«Дом их был всегда наизнанку, — вспоминал лицейский товарищ поэта Модест Корф, — в одной комнате богатая старинная мебель, в другой — пустые стены или соломенный стул; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня, с баснословною неопрятностью; ветхие рыдваны с тощими клячами и вечный недостаток во всем, начиная от денег до последнего стакана. Когда у них обедало человека два-три лишних, то всегда присылали к нам, по соседству, за приборами».

Семейство Корф снимало квартиру в том же доме на Фонтанке — к ним, как соседям, не единожды обращались родители Пушкины, ожидая гостей. Барона Модеста Андреевича Корфа, как мемуариста и как человека, трудно заподозрить в симпатии к бывшему однокашнику. Он единственный, кто откровенно не любил поэта, не считая должным скрывать тех чувств.

А что же комната Пушкина в родительском доме? Именно её он называл «мой угол тесный и простой».

Осталось живое свидетельство: «У дверей стояла кровать, на которой лежал молодой человек в полосатом бухарском халате, с ермолкою на голове. Возле постели на столе лежали бумаги и книги. В комнате соединялись признаки жилища светского человека с поэтическим беспорядком учёного». Таким увидел кабинет поэта Василий Эртель, когда в феврале 1819-го, вместе с кузеном Баратынским и бароном Дельвигом, навестил Пушкина в доме на Фонтанке.

Жилище поэта — полная противоположность квартире его героя, петербуржца Чарского: «В кабинете его... ничто не напоми-

ДЕНЬГИ И КАРТЫ

«ДЕНЕГ, РАДИ БОГА, ДЕНЕГ!»

Не продаётся вдохновенье...

Александр Пушкин

Пушкин в шутку говаривал, что «единственная деревенька» его — на Парнасе, а оброк он берёт не с крестьян, а с 36 букв русского алфавита.

До него столь известные литераторы, как Державин, Сумароков, Дмитриев, Измайлов, Тредиаковский, жили отнюдь не сочинительством. Хотя гонорары получали: то звонким серебром, а то и золотыми с бриллиантами табакерками. Занятие литературным трудом дворянина-аристократа почиталось чем-то сродни барской прихоти, причуды или забавы. Но только не способом обеспечить себе достойную жизнь.

Пятнадцатилетним отроком Пушкин словно прозревал будущность:

Не так, любезный друг, писатели богаты;
Судьбой им не даны ни мраморны палаты,
Не чистым золотом набиты сундуки...

Доходы первого профессионального литератора Пушкина были более чем непостоянны. И мотив неизменного безденежья, отнюдь не поэтический, пронизывал всё наследие поэта. Вечный пушкинский возглас: «Денег, ради Бога, денег!»

Те же невесёлые мысли, что и несчастного Евгения, героя «Медного всадника», не раз одолевали поэта:

там, но не купил, по неимению денег. После того мы заходили ещё в лавку к Смирдину, где Пушкин написал записку Кукольникову, кажется, с требованием денег».

Единственный раз можно было порадоваться и свободно вздохнуть: «Хорошо, коли Пушкин не достал бы денег на пистолеты!»

«ИГРЫ ГУБИТЕЛЬНАЯ СТРАСТЬ»

О карты!..

Страсть к игре есть самая сильная из страстей.

Александр Пушкин

Картёжные сети

*Ка*кой невосполнимой потерей для русской литературы мог обернуться карточный проигрыш поэта другу юности Никите Всеволожскому!

Никита Всеволожский — баловень судьбы, «счастливый сын пиров» и «лучший из минутных друзей» Пушкина. В Германии, под плитой серого гранита навеки упокоился тот, кто унёс с собой в небытие образ живого Пушкина. Это к нему, к его памяти взывал поэт: «Не могу поверить, чтоб ты забыл меня, милый Всеволожский, — ты помнишь Пушкина, проводшего с тобой столько весёлых часов, — Пушкина, которого ты видал и пьяного и влюбленного, не всегда верного твоим субботам, но неизменного твоего товарища в театре, наперсника твоих шалостей...»

Знакомство поэта с Всеволожским началось в Коллегии иностранных дел, где они оба начинали службу (Пушкин — сразу же после выпуска из Лицея), продолжилось и в особняке Всеволожских на Екатерингофском проспекте, куда на свет «Зелёной лампы» «слетались» лучшие умы Петербурга, и в салонах петербургских «любителей кулис».

А какие баталии разворачивались на карточных столах! «Всеволожский играет: мел столбом! Деньги сыплются!» — восхищался поэт. А весной 1820-го Пушкин проиграл рукопись своих стихов приятелю, ставшему законным владельцем заветной тетрадки на долгие пять лет.

«Я проиграл потом рукопись мою Никите Всеволожскому (разумеется, с известным условием), — сообщает Пушкин князю Вяземскому. — Между тем принуждён был бежать из Мекки в Медину, мой Коран пошёл по рукам — и доньне правоверные ожидают его. Теперь поручил я брату отыскать и перекупить мою рукопись, и тогда приступим к изданию элегий, посланий и смеси».

А вот и сам поэт вызывает к приятелю: «Помнишь ли, что я тебе полупродал, полупроиграл рукопись моих стихотворений? Ибо знаешь: игра несчастливая родит задор. Я раскаялся, но поздно... Всеволожский, милый, <...> продай мне назад мою рукопись, — за ту же цену 1000 (я знаю, что ты со мной спорить не станешь; даром же взять не захочу)». Что ж, таков незыблемый кодекс чести карточной игры.

Пушкин через брата Лёвушку проигранную рукопись всё-таки выкупил, но она так и вошла в историю отечественной литературы, как «тетрадь Всеволожского». И в том, что она не канула в вечность, не была потеряна, подарена или выброшена, а хранится ныне в Петербурге в Пушкинском Доме, есть бесспорная заслуга и самого Никиты Всеволодовича.

Как весело начиналась его жизнь! Сколько блаженных минут праздности и вдохновенья было отпущено свыше счастливцу Никите Всеволожскому! И как печально завершились его дни в немецком Бонне! От бесчестия (за долги Никите Всеволодовичу грозила долговая яма) его спас... сердечный приступ, завершившийся освободительницей-смертью. Но вместо главы семейства, в одночасье разрешившего для себя финансовые проблемы, в долговую яму отправили его вдову. Из житейской пропасти несчастную высвободил её сын — тот самый «крошка Всеволодчик», которого Пушкин просил обнять в письме к другу, — бежавший вместе

«СТРОЕН, ЛЁГОК И МОГУЧ»

«ВОТ НА ШАХМАТНУЮ ДОСКУ...»

Строй за строй расставил он...

Александр Пушкин

*Н*е одни карты занимали часы вольного досуга Пушкина. Он любил и хорошо играл в шахматы. Если его герои не так часто двигают шахматные фигуры, то сам поэт предавался этой умной древней игре с неменьшим пылом, чем картам.

Пожалуй, самые известные строфы, что приходят на память:

Уединясь от всех далёко,
Они над шахматной доской,
На стол облокотясь, порой
Сидят, задумавшись глубоко,
И Ленский пешкою ладью
Берёт в рассеянье свою.

Партию, что разыграли пушкинские герои, во все времена будоражила воображение шахматистов. Так, журнал «Всемирная иллюстрация» за 1870 год подивил читателей следующим сообщением: «Недавно мы были приятно изумлены чрезвычайно интересным открытием: редакция... получила несколько партий, иггранных 40 лет назад между... Ольгой и Ленским!»

Далее шёл детальный разбор партии: пояснялось, на каком именно ходу Ленский взял пешкою свою ладью, уточнялась расстановка фигур... Говорилось, как именно Ольга, не позволив своему обожателю переменить ход, выиграла ту партию.

Другое значимое пушкинское творение, посвящённое шахматам и, увы, незавершенное:

Царь увидел пред собой
Столик с шахматной доской.

Вот на шахматную доску
Рать солдатиков из воску
Он расставил в стройный ряд.
Грозно куколки сидят,
Подбоченья на лошадаках,
В коленкоровых перчатках,
В оперённых шишачках,
С палашами на плечах.

Считается, и уже традиционно, что начало задуманной сказки соответствует эпизоду одной из книг писателя-романтика Вашингтона Ирвинга, «отца американской литературы». Солдатики в его творении служат магическими фигурками вражеских войск, а гибель их есть поражение неприятельской армии.

Те суждения некогда высказала Анна Ахматова: «Впервые Пушкин начал обрабатывать “Легенду об арабском звездочёте” (“Легенда об арабском астрологе” входила в сборник “Легенды Альгамбры”. — Л. Ч.) в 1833 году. К этому времени относится набросок “Царь увидел пред собой...”, написанный тем же четырёхстопным хореем, что и “Сказка о золотом петушке”».

Но так ли справедливо замечание поэтессы? Она не предполагает, нет, — утверждает! А почему бы не связать начало незаконченной сказки с историческим фактом, и уж точно известным Пушкину?! Царь Иван Грозный в последний свой земной день парился в бане и, вернувшись в дворцовые палаты, потребовал принести ему шахматную доску. За ней-то после полудня 18 марта 1584 года и настигла грозного самодержца внезапная смерть. О том необычном предсмертном желании русского царя и его смерти за шахматной доской писал сэр Джером Горсей, английский-

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**